

Кун Лин немного подумал и произнес:

— Я привык жить один и в прислуге не нуждаюсь. Если Жо Цинфэн хочет помочь, я не против. Но вы же знаете, я не смогу платить много. Ты согласен на таких условиях?

Кун Лин смотрел на старого старосту, но ответил сам Тан Цинфэн. Он кивнул и громко сказал:

— Если учитель позволит мне слушать уроки, когда вы будете учить других учеников, я готов работать даже бесплатно.

Правда, следующая фраза прозвучала уже куда менее уверенно:

— Только... можно мне будет обедать у вас?

Сказав это, он уставился на Кун Лина своими черными, как смоль, влажными глазами.

Кун Лин посмотрел в эти глаза и почувствовал, будто перед ним маленький щенок, выпрашивающий косточку, и решил немного подразнить мальчишку.

— Хм, вопрос, конечно... — он договорил лишь до половины, взял чашку, медленно отпил глоток, посмаковал, сделал еще глоток и долго размышлял, ничего не говоря. При этом, пользуясь случаем, он украдкой поглядывал на реакцию Тан Цинфэна.

Он ожидал увидеть нервозность, но, сколько бы ни наблюдал, выражение лица мальчика оставалось неизменным. Тан Цинфэн стоял ровно, глядя в одну точку, и в нем не было ни капли той суетливости, что обычно свойственна семилетним детям. Это невольно заинтересовало Кун Лина.

Полюбовавшись еще немного, Кун Лин решил взять его к себе — для наблюдений времени у него будет предостаточно.

— Хорошо, я разрешаю тебе присутствовать на уроках и обедать здесь. Но ты должен приходить каждое утро, наводить порядок в учебной комнате и выполнять все мои поручения.

Выслушав условия, Тан Цинфэн ничего не сказал, лишь решительно кивнул.

— Договорились. Приступай с завтрашнего дня, — подвел итог господин Кун.

Вернувшись домой, Тан Цинфэн рассказал обо всем чете Чжэн. Это была благая весть, и супруги по такому случаю купили мясо и чай, приготовили вонтоны — отчасти чтобы отпраздновать, отчасти на удачу, чтобы маленький Цинфэн в будущем стал ученым мужем.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Тан Цинфэн поспешил в школу. Опоздать в первый же день означало бы сразу испортить впечатление об учителе.

Подойдя к дверям, он увидел, что они еще закрыты, и присел на крыльцо подождать. Поскольку он впервые встал так рано, то, сам того не заметив, задремал.

Кун Лин по привычке встал на рассвете, чтобы открыть двери — некоторые ученики приходили рано, и им было удобнее сразу пройти внутрь. Сегодня он поднялся раньше обычного, потому что должен был прийти тот забавный малец. Интересно, когда он появится?

Размышляя об этом, Кун Лин распахнул дверь и увидел на ступенях маленькую свернувшуюся фигурку, которая сладко спала. Он подошел и похлопал мальчишку по плечу. Тот поднял голову — это был тот самый Тан Цинфэн.

Было ясно, что мальчик еще не проснулся; он тер глаза, пытаясь понять, кто прервал его сон. Увидев перед собой своего начальника, господина Куна, он в испуге вскочил и, поклонившись, произнес:

— Доброе утро, учитель.

— Заходи, — Кун Лин, увидев, что тот окончательно проснулся, вошел в дом.

Тан Цинфэн тут же принялся за дело: протер столы и вымыл пол, подготовив класс к приходу учеников.

Обучение в школе было кратковременным и индивидуальным. Книги, кисти, бумагу и тушь ученики приносили с собой. Урок начинался с проверки вчерашнего задания: учитель просил одного из учеников процитировать отрывок из пройденного материала, а другой должен был продолжить — и так до тех пор, пока учитель не говорил остановиться.

Затем начинался новый урок. Учитель сидел за столом, ученик подходил с книгой, вставал рядом, и Кун Лин зачитывал фразу, которую ученик повторял за ним, пока не запоминал. После этого вызывали следующего, а первый уходил в сторонку повторять про себя.

Тан Цинфэн старался не упустить шанс: когда господин Кун учил других, мальчик наострял уши и внимательно следил за всем. Жаль только, что от иероглифов в книге рябило в глазах — привыкнув к упрощенному письму, к традиционным знакам было очень трудно приноровиться.

В итоге он решил пока не смотреть в книгу, а просто слушать. К концу дня он запомнил кое-что несложное. Троесловие он почти повторил, и, если бы пришлось отвечать, смог бы прочесть больше половины.

В полдень ученики разошлись по домам, и Тан Цинфэн проследовал за Кун Лином во внутренние покои. Он простоял там довольно долго, живот уже вовсю урчал от голода, но еды на столе не было. Кун Лин же вел себя непринужденно: книга, чашка чая — вылитый небожитель. Наконец, Тан Цинфэн набрался смелости и позвал:

— Учитель, когда мы будем обедать?

— А? Почему ты еще здесь? Ты разве не пошел готовить? — удивился учитель.

— Готовить? — Тан Цинфэн опешил.

— Ну да. Ты должен приготовить, чтобы нам было что поесть. Это было условие нашего договора, ты забыл? — Кун Лин улыбался, и в этот момент он показался мальчику настоящим

лисом.

Было ли такое условие? Тан Цинфэн почесал затылок, не припоминая ничего подобного. Ладно, придется готовить. Тан Цинфэн в одиночестве возился на кухне, время от времени выкрикивая:

— Учитель, где рис? Учитель, где масло? Учитель, где соль?

Конфуций говорил, что благородный муж держится вдали от кухни, и Кун Лин был с ним солидарен. На все вопросы он отвечал односложно: Рис в кадучке, масло и соль в шкафу. Тан Цинфэн лишь закатывал глаза, вынужденный искать всё самостоятельно.

В конце концов, в рамках имеющихся скудных запасов, обед был готов. Овощи, тушеная соленая рыба и суп с миской риса. Блюда получились вкусными, но Кун Лин, поедая их, чувствовал, как сердце обливается кровью: овощи приносили ученики, а вот соленая рыба была редким подарком, который он хранил несколько месяцев, не решаясь съесть. Не ожидал он, что с приходом Тан Цинфэна все запасы будут уничтожены одним махом. Впрочем, возразить он не мог, поэтому, сдерживая досаду, молча съел несколько лишних порций риса.

<http://bllate.org/book/21782/2252361>